

Романова Эллада Юрьевна

Romanova Ellada Yuryevna

соискатель кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

External PhD student, Department of Applied International Analysis, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

A SURVEY OF MAIN APPROACHES TO DEFINING TERRORISM IN THE MODERN WORLD POLITICAL SCIENCE

Аннотация:

Статья описывает появление понятия терроризма, которое возникло сравнительно недавно, в XVIII в., в то время как феномен терроризма уходит корнями в глубокую древность. Объясняется, почему в научном узусе принято разделять понятия терроризма и террора. Прослеживается эволюция понятия терроризма, представляются основные современные подходы к его определению. Автор обобщает и анализирует возможные причины отсутствия общепринятого определения терроризма. Среди них – разграничение понятий «террорист» и «борец за свободу», политизированность вопроса, большое многообразие форм, типов и проявлений терроризма. В статье охарактеризовано вероятное будущее определение терроризма. Так, по мнению автора, в ближайшей перспективе будет продолжаться господствовать «операциональный подход», в соответствии с которым наличие строгого определения терроризма необязательно.

Ключевые слова:

терроризм, террор, понятие терроризма, международная безопасность, национальная безопасность, угроза применения насилия, некомбатанты, теория секьюритизации, ООН.

Summary:

The paper describes the emergence of the notion of terrorism which appeared in the 18th century while the phenomenon of terrorism goes back to ancient times. The author explains why it is customary for political science to differentiate terrorism from terror. The study reviews the notion of terrorism in evolution and presents the main modern approaches to defining it. The author summarizes and analyzes the possible reasons for the lack of a universal notion of terrorism. These reasons include the difference between a terrorist and a freedom fighter, politicization of the problem, and a vast variety of forms, types, and manifestations of terrorism. The study presents the probable future definition of terrorism. The author concludes that, in the near future, it is the operational approach that will dominate according to which the universal notion of terrorism is unnecessary.

Keywords:

terrorism, terror, notion of terrorism, international security, national security, threat of violence, non-combatants, securitization theory, the UN.

Понятие террора появилось сравнительно недавно – лишь в XVIII в. Этот термин часто употребляли якобинцы как синоним «крайней, но обоснованной меры во имя справедливости». М. Робеспьер, в частности, называл террор «быстрой, строгой и непреклонной справедливостью», необходимой для «отечества в крайней нужде», «без которой добродетель бессильна во время революции» («О принципах политической морали», выступление в Национальном конвенте 5 февраля 1794 г.) [1, с. 106–122]. Впрочем, уже в годы Великой французской революции слово «террор» довольно скоро приобрело негативную коннотацию, ассоциируясь, правда, при этом преимущественно с произволом властей. Впоследствии понятие «террор», трансформировавшись семантически в «терроризм», не вышло из обихода: сегодня оба термина используются практически наравне друг с другом для квалификации разных форм насилия.

Феномен терроризма уходит корнями в глубокую древность: одними из первых исторических предшественников современных движений, применявших террористические методы борьбы, по словам ректора Оксфорда и известного специалиста по проблемам терроризма Л. Ричардсон, были zeloty, сражавшиеся за свержение римского владычества в Палестине в III в. н. э., известные также как «сикарии» по наименованию излюбленного ими вида оружия – кинжала [2, р. 43].

В разные периоды и в разных странах терроризм был методом достижения политических целей для группировок самого разного толка – от религиозного и националистического до лево- и праворадикального. В этом смысле террористическую деятельность ни в коем случае нельзя считать прерогативой исламских фундаменталистов, равно как религиозный экстремизм не является феноменом, связанным исключительно с «радикальным исламом» [3].

Многие столетия терроризм носил спорадический характер, как правило принимая форму политических убийств. Лишь во второй половине XIX в. терроризм приобрел черты устойчивого образа действия. (Наиболее ярким примером могут служить русские эсеры.)

XX век стал периодом повсеместного распространения и качественных метаморфоз терроризма, ставшего реальным фактором межгосударственного противостояния. В начале XXI в., после атак 11 сентября 2001 г., угроза терроризма стала подлинно всемирной: США объявили арену борьбы с ней весь мир, выдвинув концепцию «глобальной войны с террором». Международное сообщество поначалу безоговорочно солидаризировалось с Вашингтоном.

Одновременно углублялось изучение проблем борьбы с терроризмом, что диктовалось задачей разработкой конкретных контртеррористических стратегий. Между тем эффективное противодействие террористической угрозе требовало выработки общепринятого определения терроризма. Такие попытки безуспешно предпринимались с XIX в. Трудно шло и разграничение правовых и политических аспектов террористического дискурса.

Сегодня наблюдается «многообразие подходов к определению терроризма, которое объясняется спецификой регионов, национальными и историческими традициями, уровнем демократии, степенью стабильности политической ситуации в той или иной стране, особенностями юридических школ» [4, с. 9]. По словам российского эксперта по проблеме терроризма Г.В. Овчинниковой, «главным фактором, затрудняющим единый подход к определению терроризма и его юридическому оформлению и, таким образом, затрудняющим выработку согласованных международных мер по борьбе с ним, является крайняя политизированность оценок» [5, с. 17].

Приведем краткую семантико-этимологическую справку.

Слова «террор» и «терроризм» происходят от латинского terror – ‘страх, ужас’ и в обиходе, как правило, описывают политику устрашения, подавление политических противников насильственными мерами (Словарь иностранных слов, 1987). В русском политическом лексиконе «террор» чаще всего определяют как политику устрашения противника путем физического насилия вплоть до уничтожения, а терроризм – как политику и практику террора (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой).

Хотя в обыденной речи «террор» и «терроризм» нередко употребляются как синонимы, в научном узусе данные понятия принято разделять. Исследователи склонны считать террор образом действия любого политического субъекта – физического лица, организации или государства. Причем в типичных случаях террор используют более сильные в отношении более слабых, в то время как терроризм является методом более слабых в отношении более сильного [6, с. 23]. Для удобства назовем этот критерий акторным. Именно в таком значении понятие «терроризм» закрепилось в 1970-е гг.: политически мотивированное насилие, применяемое негосударственными субъектами.

Сложнее обстоит ситуация с выработкой общепринятого определения терроризма на межгосударственном институциональном уровне – прежде всего на площадке ООН. По словам российского исследователя С.С. Веселовского, «террористические преступления необходимо было отделить от политической составляющей, чтобы с ними можно было бороться в рамках уголовного права и потому что преследование по политическим мотивам недопустимо» [7].

Наиболее серьезным вызовом, по словам американского исследователя Р.П. Бэрниджа, является решение проблемы о соотношении понятий «террорист» и «борец за свободу» [8, с. 8]. Так, некоторые страны – члены Организации исламского сотрудничества фактически выступают за легитимизацию действий участников национально-освободительной борьбы, цели которой, по их мнению, оправдывают любые средства [9, р. 73]. О тонкой грани между международным терроризмом и национально-освободительными движениями говорит и российский исследователь В.П. Милецкий [10].

Кроме того, проблема терроризма как таковая для многих стран является второстепенной – большее значение имеет борьба с экстремизмом как идеологией или образом политического действия, допускающим использование в политической борьбе действий, ведущих к дестабилизации общественного порядка, в том числе насильственных. При этом нередко в законодательствах стран отсутствует четкое разграничение между терроризмом и экстремизмом.

Как указывает американский исследователь С. Атран, с начала 1980-х гг. в США одновременно существуют два официальных определения терроризма: одно используется для «статистического анализа и выработки политики», а второе – для уголовного судопроизводства. В совокупности «оба определения предоставляют большую гибкость в выборочном применении концепции терроризма в соответствии с приоритетами Вашингтона» [11, р. 1534]. На практике это выражается в том, что нет принципиального различия, как Конгресс США определяет запрещенные террористические и разрешенные противоповстанческие действия. Эксперты Государственного департамента США определяют терроризм как «предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое группировками субгосударственного уровня или нелегальными агентами против невоенных целей, чтобы воздействовать на соответствующую аудиторию» [12].

Данный пример иллюстрирует важный аспект проблемы, связанный с толкованием терроризма: у государства всегда существует соблазн сформулировать данное понятие таким образом, чтобы под него попадала и деятельность политической оппозиции. В связи с этим обращает на себя внимание определение терроризма в Турции: в соответствии с Законом № 3713 «О борьбе с терроризмом», принятым в 1991 г., под терроризмом понимается «различного рода деятельность, проводимая одним человеком или группой лиц, являющихся членами организаций, которые при помощи одного из методов – насилия, запугивания, пыток и угроз – ставят своей целью изменение политического, правового, социального, светского и экономического устройства государства, закрепленных в Конституции, подрыв государственных начал, национальной и государственной целостности, создание опасности для существования государства и республики, подрыв авторитета государства (уничтожение или захват власти), нарушение основных прав и свобод, причинение вреда общественному строю» [13].

По мнению известного российского специалиста по проблемам терроризма Е. Степановой, вторым объективным препятствием для выработки общепринятого определения терроризма служит большое многообразие форм, типов и проявлений терроризма [14].

Л. Ричардсон считает необходимым уйти при определении терроризма от учета моральных и субстантивных аспектов преследуемых той или иной террористической группировкой/индивидом целей. По мнению Л. Ричардсон, лицо, применяющее насилие для достижения политических задач, не является ни повстанцем, ни борцом за свободу, поскольку «террорист – это террорист, и неважно, как Вы относитесь к его целям или к правительству, которое он хочет изменить» [15]. Следовательно, при определении терроризма основной акцент должен быть перенесен на насильственные методы как таковые.

В то же время такой подход затрудняет включение в классификацию типов терроризма те из них, которые напрямую не связаны с насилием, в частности «кибертерроризм».

В 1980-е гг. старший научный сотрудник американского Института безопасности и разведки Б. Коллин ввел термин «кибертерроризм» для обозначения новой формы террористической деятельности [16, р. 15], в то время как ряд ученых, включая Л. Ричардсон [17], считают неправильным применение термина «терроризм» к действиям «ненасильственного характера».

Несмотря на все имеющиеся разногласия, российские и зарубежные ученые сходятся в том, что терроризм – это реакция на назревшие и нерешаемые политические, социальные, экономические и иные проблемы. Солидарно научное сообщество и с идеей о неприемлемости терроризма как метода достижения политических целей. Именно на этом тезисе и построено, в частности, международное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом в отсутствие его общепринятого определения.

По мнению ряда экспертов, наличие строгого определения терроризма необязательно. По словам Р. Кеохейна, в ближайшем будущем терроризм будет определяться «операционально – как акты неправомерного насилия, которые большинство стран антитеррористической коалиции считают нелегитимными» [18, р. 143].

«Операциональный подход» встраивается в теорию секьюритизации Б. Бузана, О. Вэвера и Яапа де Вилде [19], которая возникла вследствие выявленной ограниченности традиционного дискурса о безопасности, ориентированного только на военные угрозы, и необходимости расширения круга проблем как части того, что относится к понятию безопасности. Секьюритизация – это процесс, в котором определенный объект представляется актором (чаще всего правительством) как проблема безопасности, создающая угрозу для существования референтного объекта и требующая в связи с этим принятия чрезвычайных мер. Успешная секьюритизация требует признания и согласия общества с призывом и действиями секьюритизирующего актора [20]. Объект становится вопросом безопасности, поскольку принимается решение, что он важнее, чем все остальное.

Наибольшее распространение в мире получил именно «операциональный подход», о чем косвенно свидетельствует тот факт, что после событий 11 сентября 2001 г. ведущие государства сконцентрировались на выработке основных принципов контртеррористического сотрудничества и противодействия, оставив в стороне дискуссии о том, что такое терроризм. Во многом этому способствовала однозначность заявленных «Аль-Каидой» (организацией, деятельность которой запрещена в РФ) разрушительных целей, угрожающих безопасности всего мира.

Другим косвенным подтверждением господства указанного подхода является то, что видные современные исследователи проблемы терроризма (Г. Лафри, М. Креншоу, Л. Дуган и др. [21]) также отошли от споров о его определении, сосредоточившись на вопросе повышения эффективности контртеррористических стратегий.

В декабре 2004 г. Группа ООН высокого уровня выработала рабочее определение терроризма, взяв за основу «академические наработки»: «Терроризм – это любое деяние, которое

имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов либо причинить им тяжкие телесные повреждения, когда цель такого деяния... заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [22].

В целом определение ООН содержит обязательные составляющие определения терроризма: насилие или угроза применения насилия в отношении одних лиц с целью воздействия на другие. Вместе с тем, несмотря на отсутствие резкого неприятия определения ООН, государства-члены не стремятся сделать его общепринятым, предпочитая оставить за собой право придерживаться собственных определений терроризма, которые соотносятся с их текущими задачами.

В ближайшей перспективе не стоит ожидать выработки общепринятого определения терроризма: в мире по-прежнему будет господствовать «операциональный подход».

Ссылки:

1. Цит. по: Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. / изд. подгот. А.З. Манфред, А.Е. Рогинская, Б.В. Рубинин. Т. 3. М., 1965. 330 с.
2. Richardson L. What Terrorists Want: Understanding the Enemy, Containing the Threat. N. Y., 2006. 336 p.
3. Мирский Г.И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество [Электронный ресурс] : докл. Междунар. дискус. клуба «Валдай». URL: <http://docplayer.ru/56813144-Radikalnyy-islamizm-ideyno-politicheskaya-motivaciya-i-vliyanie-na-mirovye-musulmanskoe-soobshchestvo-doklad-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valday.html> (дата обращения: 27.05.2018).
4. Основы противодействия терроризму / Я.Д. Вишняков, Г.А. Бондаренко, С.Г. Васин, Е.В. Грацианский. М., 2006. 240 с.
5. Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб., 1998. 36 с. (Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе).
6. Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.
7. Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М., 2009. 272 с.
8. Цит. по: Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. М.; Иерусалим, 2011. 344 с.
9. Verwey W.D. The International Hostages Convention and National Liberation Movements // *American Journal of International Law*. 1981. Vol. 75, no. 1. January. P. 69–92. <https://doi.org/10.2307/2201415>.
10. Милецкий В.П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11, № 1. С. 180–189.
11. Atran S. Genesis of Suicide Terrorism // *Science*. 2003. Vol. 299, no. 5612. P. 1534–1539.
12. Patterns of Global Terrorism 2001 [Электронный ресурс] / United States Department of State. Washington, DC, 2002. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/10319.pdf> (дата обращения: 27.05.2018).
13. Законодательство Турции по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] // *Аналитический вестник*. 2004. Вып. 10. Актуальные проблемы законодательного обеспечения борьбы с терроризмом: российский и зарубежный опыт. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14163> (дата обращения: 27.05.2018).
14. Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects [Электронный ресурс] : SIPRI Research Report No. 23. Oxford (UK), 2008. P. 5. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIIRR23.pdf> (дата обращения: 27.05.2018).
15. Richardson L. Op. cit. P. 30.
16. Collin B.C. The Future of CyberTerrorism // *Crime & Justice International*. 1997. Vol. 13, no. 2. March. P. 15–18.
17. Richardson L. Op. cit. P. 24.
18. Keohane R.O. Public Delegation of Terrorism and Coalition Politics // *Worlds in Collision: Terror and the Future of Global Order* / ed. by K. Booth, T. Dunne. N. Y., 2002. P. 141–152.
19. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO, 1998. 300 p.
20. Ibid. P. 25–26.
21. Dugan L. Terrorism // *Wiley Online Library*. 2015. <https://doi.org/10.1002/9781118519639.wbecpx207>; LaFree G., Crenshaw M. *Countering Terrorism: No Simple Solutions*. Washington, DC, 2017. 288 p.
22. Более безопасный мир: наша общая ответственность [Электронный ресурс] : докл. Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам от 2 дек. 2004 г. : док. ООН A/59/565 // ООН. URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml (дата обращения: 27.05.2018).

References:

- Atran, S 2003, 'Genesis of Suicide Terrorism', *Science*, Vol. 299, no. 5612, pp. 1534–1539. <https://doi.org/10.1126/science.1078854>.
- Berngard, A1978, *The strategy of terrorism*, Warsaw, p. 23, (in Russian).
- Buzan, B, Waever, O & Wilde, J de 1998, *Security: A New Framework for Analysis*, Boulder, CO, 300 p.
- Collin, BC 1997, 'The Future of CyberTerrorism', *Crime & Justice International*, Vol. 13, no. 2, March, pp. 15–18.
- Dugan, L 2015, 'Terrorism', *Wiley Online Library*. <https://doi.org/10.1002/9781118519639.wbecpx207>.
- Emanuilov, RYa & Yashlavsky, AE 2011, *Terror for the sake of faith: religion and political violence*, Moscow, Jerusalem, 344 p., (in Russian).
- Keohane, RO, Booth, K & Dunne, T 2002, 'Public Delegation of Terrorism and Coalition Politics', *Worlds in Collision: Terror and the Future of Global Order*, New York, pp. 141–152.
- LaFree, G & Crenshaw, M 2017, *Countering Terrorism: No Simple Solutions*, Washington, DC, 288 p.
- 'Legislation of Turkey on the fight against terrorism' 2004, *Analiticheskiy vestnik*, Iss. 10, viewed 27 May 2018, <<http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14163>>, (in Russian).
- Miletsky, VP 2017, 'International terrorism: the political and legal dimension of the theory and practice of counteraction', *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, Vol. 11, No. 1, pp. 180-189, (in Russian).

Mirsky, GI 2018, *Radical Islamism: ideological and political motivation and influence on the world Muslim community: a Report of the Valdai International Discussion Club*, viewed 27 May 2018, <<http://docplayer.ru/56813144-Radikalnyy-islamizm-ideyno-politicheskaya-motivaciya-i-vliyanie-na-mirovoe-musulmanskoe-soobshchestvo-doklad-mezhdunarodnogo-diskussion-nogo-kluba-valday.html>>, (in Russian).

Ovchinnikova, GV 1998, *Terrorism*, St. Petersburg, 36 p., (in Russian).

Patterns of Global Terrorism 2001 2002, United States Department of State, Washington, DC, viewed 27 May 2018, <<https://www.state.gov/documents/organization/10319.pdf>>.

'Report of the High-Level Panel on Threats, Challenges and Change on a More Secure World: Our Shared Responsibility [A/59/565] as of December 02, 2004' 2018, OON, viewed 27 May 2018, <http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml>, (in Russian).

Richardson, L 2006, *What Terrorists Want: Understanding the Enemy, Containing the Threat*, New York, 336 p.

Robespierre, M, Manfred, AZ, Roginskaya, AE & Rubinin, BV 1965, *Selected works*, in 3 vols., Moscow, 330 p., (in Russian).

Stepanova, E 2008, *Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects: SIPRI Research Report No. 23*, Oxford (UK), p. 5, viewed 27 May 2018, <<https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIIR23.pdf>>, (in Russian).

Verwey, WD 1981, 'The International Hostages Convention and National Liberation Movements', *American Journal of International Law*, Vol. 75, no. 1. January, pp. 69–92. <https://doi.org/10.2307/2201415>.

Veselovsky, SS 2009, *Multilateral cooperation in the fight against transnational terrorism*, Moscow, 272 p., (in Russian).

Vishnyakov, YaD, Bondarenko, GA, Vasin, SG & Gratsiansky, EV 2006, *Fundamentals of Countering Terrorism*, Moscow, 240 p., (in Russian).